

самой чувствительной надписью: «На добрую память о годах ИФЛИ, об Удельном периоде и с самыми добрыми пожеланиями».

Я был у Благих, можно сказать, своим, «домашним» человеком, помогал даже в хозяйственно-житейских делах. Поскольку жил только на стипендию, недоедал и был плохо одет, то не раз занимал у Дмитрия Дмитриевича деньги, разумеется, с пунктуальной отдачей. При демобилизации в 1945 г. из Чернышевских казарм кинул им, как «родственникам», мешок картошки, сам привез, сам втащил, и благо: комиссионер из Подольска их надул. Нельзя сказать, что Благой был равнодушен к людям, скорее не всегда внимателен к их судьбе и бедам. Старый интеллигент, он и вообразить себе не мог, в какой нищете пребывали мы, некоторые из его учеников. У него были несколько старорежимные, отвлеченные представления об этом.

Наши отношения с Благим, не всегда гладкие, были омрачены размолвкой. Я мучительно раздумывал: надо помириться с Дмитрием Дмитриевичем. Отдыхая и работая в Переделкино, дождливым вечером пошел к его даче на ул. Павленко. Повертелся под окнами, увидел его со спины, в халате, сиротливо cedящим на кухне чай в стакан. Шевельнулось все в душе. Но не постучался. Возвращаясь, оправдывался: «Мужской разговор все равно не состоялся бы, зачем старика волновать перед сном?»

Наступило 85-летие Благого. Юбилей отмечался в ИМЛИ. Через вторых-третьих лиц услышал: Благой хочет, чтобы я выступил. И вот — трибуна. Обстановка торжественная. Сотрудники ИМЛИ собрали букет из 85 гвоздик. Я говорил о многом из того, что рассказал выше: об уме и душе учителя, особенно выделил «Социологию творчества Пушкина», напомнил остроту: «Нигде кроме, как в третьем томе». Он, как-то по-особенному розовощекий, ласково кивал головой в такт речи.

Мир праху твоему, дорогой учитель Дмитрий Дмитриевич! Низко кланяюсь и прошу простить, если кое-что здесь сказал не так или слишком резко. Все мы пережили трудное время. Будем помнить все твои уроки и личный пример ученого, труженика, энтузиаста, помнить твою «лелеющую душу гуманность».